

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 10–20, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-10-20
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 929.733

Social Organization of the Traditional Tuvan Community in the Mid-18th – Early 20th Centuries: Peculiarities of Formation and Transformation

Salimaa S. Khovalyg ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Records Management and Archival Science, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: salimaa@mail.ru.

Abstract

The article aims to study peculiarities in the formation and evolution of the Tuvan traditional social structure under the Qing rule (1757–1912). With evidence from archival sources, the paper investigates historical conditions for the formation of different social strata and shows characteristic features of social organization within the traditional Tuvan society. Once the Manchu Qing dynasty took control over the territory of Tuvan tribes, administrative and territorial reforms were initiated, new military ranks were introduced, and titles of nobility, insignia gradually began displacing the old titles and ranks. The Buddhist *khuree* temples were also constructed on the territory of Tannu-Tuva. The changes greatly affected the social organization which had existed within the traditional Tuvan society.

The key feature of the formation of social organization in the mid-18th century was that new social strata were introduced into the structure of the traditional Tuvan society, namely: the princely class (Tuvan and Mongolian princes), Buddhist clergy, and bureaucracy. The author determines that officials made a special privileged group whose legal status depended on the position and quality of performance of corresponding duties. Since the mid-18th century, the basis of the social system was the territorial organization resulting from the 1759 administrative reform. Transformation of the social structure of the traditional nomadic civilization in the early 20th century lead to further changes in the political organization of society and culture. Under the influence of modernization processes that took place in Tannu-Tuva since the beginning of the 20th century there was further social stratification caused by substantial property inequality. The newly marginal strata within the traditional Tuvan society resulted from fiscal policies of the Qing Empire, nomadic pastoralism and extensive penetration of elements of industrial civilization in Tuva: construction of gold mines by Russian entrepreneurs, establishment of salt works and maral farms. The paper describes the history of the formation and transformation of the social organization of the traditional Tuvan society characterizing each social layer and its legal status.

The novelty of the article is that it is the first attempt to analyze the Tuvan traditional social structure, reveal its composition and hierarchy of ranks and degrees in Tuva from the mid-18th to the 20th centuries.

Keywords: Tuva, historiography, social structure, estates, state apparatus, official, public administration, *ambyn-noyon*, *khoshun*, *uger-da*, *noyon*, *tabunang (efu)*, ‘imperial son-in-law’, *bugude-darga*.

Целью статьи является анализ социальной организации традиционного тувинского общества в середине XVIII–XX вв., его формирования и дальнейшей трансформации.

В историографии Тувы, несмотря на наличие обширных трудов по истории, этнографии, культуре, социально-экономическому развитию, все же не предпринимались попытки комплексного анализа истории формирования и трансформации социальной организации тувинского традиционного общества, хотя ее отдельные элементы отчасти рассматривались учеными. Исследуемые вопросы были отражены в историографии Тувы, которая делится на три этапа: 1) со второй половины XIX в. до первого десятилетия XX в.; 2) с 20-х гг. до начала 90-х гг. XX в.; 3) с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время.

На первом этапе стоит выделить работы этнографического характера, составленные этнографами, географами и филологами. Исследователи изучали не столько историю тувинского народа и, тем более, общественную организацию, формирование и развитие отдельных социальных групп и слоев, сколько описывали административно-территориальное деление, определяли родовые группы, изучали традиции, обычаи, прикладное искусство, антропологический облик, тщательно документировали народный фольклор [Бичурин 1834; Потанин 1883; Адрианов 1886: 25–26; Африканов 1890: 34–59; Позднеев 1896–1898; Яковлев 1900; Ватин-Быстрянский 1913; 1915; Грумм-Гржимайло 1926; 1930; Владимирцов 2002].

Второй этап в развитии историографии ознаменован утверждением в советской исторической науке формационной теории и классового принципа в изучении истории. Впервые отечественными учеными была разработана периодизация истории Тувы. Внимание ученых сосредотачивалось на таких исторических событиях, как: утверждение власти Цинской империи над тувинским народом; установление и организация протектората Российской империи над Урянхайским краем¹; отдельные события Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири и Урянхайском крае; история Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) и т. п. Следует отметить, что история маньчжуро-монгольского господ-

ства, взаимоотношения русского и тувинского народов зачастую крайне политизировались. В основном это касалось статей, опубликованных в публицистических и научных журналах. Главным недочетом был их публицистический характер, не всегда продуманное использование терминов «оккупация», «колонизация». Иногда этим страдали даже серьезные научные исследования [Леонов 1923; Кайский 1926; Нацов 1927; Шостакович 1929].

Научное изучение истории Тувы начинается с трудов советских историков [Кабо 1934; Дулов 1956; Потапов 1969; Сейфуллин 1968; Сердобов 1971; Иезуитов 1956; Аранчин 1982]. Бесспорной заслугой советских ученых является: 1) пополнение тематики исследования постановкой новых проблем; 2) поиск и открытие неопубликованных архивных источников; 3) использование в научном изучении Тувы системного анализа, формационного подхода, принципов историзма и объективизма, позволивших впервые осуществить написание систематизированной истории тувинского народа. Здесь нужно отметить, что сама проблема в написании истории Тувы заключалась не только в методологии. Определенные трудности для исследователей создавала источниковая база. Недостаточное число письменных источников, вызванное отсутствием документов на тувинском языке, потребовало включения в число исторических источников тувинского фольклора [Гребнев 1960]. Исследовательская тематика была пополнена социально-экономической и постреволюционной историей тувинского народа. Одними из первых ее стали изучать Р. М. Кабо и В. И. Дулов. В дальнейшем в трудах советских историков социально-экономическая проблематика была расширена, немало внимания уделялось рассмотрению истории партийно-государственного строительства и общественно-политических организаций Тувинской Народной республики, взаимоотношений с СССР. Продолжали развиваться историко-этнографические исследования, наибольший вклад в которые внес С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1961; и др.]. В конечном итоге накопленные научные работы по истории тувинского народа позволили обобщить ее, и в результате в начале 1960-х гг. был создан двухтомный труд «История Тувы», охвативший период с древнейших времен до 1961 г. (т. е. до образования Тувинской Автономной Респуб-

¹ Урянхайский край — наименование Тувы в русских официальных документах и в публицистике в XIX — начале XX вв.

лики). Но по-прежнему проблемы формирования и трансформации социальной организации тувинского традиционного общества, возникновения и развития отдельных социальных слоев и групп, например, таких, как чиновничество (а также его иерархия и чины тувинского местного управления), были освещены в минимальной степени и часто излагались исходя из принципа партийности и классового подхода.

Третий этап в историографии Тувы ознаменован отходом историков от советской идеологической модели, отказом от формационного подхода и принципов партийности, что, несомненно, создало условия для расширения методов исследования и исторического описания. Параллельно исследователи получили возможность анализировать закрытые архивные источники, что дало возможность историкам выявить новые грани исторического развития Тувы. Результатом стало появление работ, посвященных междисциплинарным проблемам этнополитологии, исторической и правовой антропологии, социальной истории и т. д. [Белов 1997, 1999; Дацышен, Ондар 2003; Дацышен 2005; Москаленко 2004].

Учеными Института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований Республики Тыва была проделана работа по систематизации материалов с учетом изменившихся принципов и методов исследования, расширения источниковой базы, выявления новых фактов из истории Тувы. Результатом их исследований стала новая многотомная «История Тувы».

Таким образом, несмотря на определенные успехи в собственно тувинской и общероссийской историографии, проблемы формирования и эволюции социальной организации традиционного тувинского общества в середине XVIII — начале XX вв. изучались эпизодически, в качестве вспомогательных сюжетов.

Статья раскрывает вопросы формирования и становления социальной организации тувинского традиционного общества в условиях господства империи Цин, в том числе создания слоя чиновничества как особой профессиональной и социальной группы, отношения внутри которой были основаны на общеимперских формально-юридических нормах и соответствовавших им социально-психологических установках. В результате проведенных преобразований к концу XVIII в. в Туве сложился особый бюрократический аппарат с сильной вну-

тренней автономией, четкой структурой, основанной на жесткой иерархии чинов, склонный к проявлению самостоятельности на местах. Данное обстоятельство, несомненно, было вызвано особым геополитическим положением Тувы: пограничным положением между Российской империей, все дальше расширявшейся на восток, и Китайской империей, сохранявшей свои северо-западные территории. Хронологические рамки исследования очерчены серединой XVIII — началом XX вв. Верхняя граница обусловлена завоеванием территории Танну-Тувы Маньчжурской империей Цин; нижняя граница — началом включения тувинского традиционного общества в орбиту Российской империи. Именно с этого времени начинается постепенная трансформация социальной организации традиционного тувинского общества, его отдельных социальных групп. Сильнее трансформация отразилась именно на социальной структуре, в частности, даже на социальном облике тувинского чиновника. Это объясняется тем, что к указанному времени после внутренних и внешних потрясений радикально меняется социальный состав, система мировоззренческих ценностей и методы рекрутирования управленческих кадров Тувы, в результате чего сформировались те основы функционирования государственной системы управления, которые просуществовали до момента распада СССР.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности, а также метод системного анализа. Они позволили изучить формирование и исторические особенности социальной организации традиционного тувинского общества: в частности, проанализировать социальную структуру, органы власти и управления с позиций исторической диалектики, учитывая взаимосвязь трансформации социальной организации с событиями, происходившими в начале XX в. не только в Туве, но и в России, соседней Монголии, а также Китае. Принцип историзма позволяет, изучив исторические условия формирования социальной организации в эпоху господства Цинской империи, выявить его динамику с учетом изменявшихся внешних и внутренних условий, описать целостную картину социальной системы. Научная объективность была обеспечена анализом исторической литературы и широкой документальной базы проблемы исследования во всем ее многообразии.

В исследуемый период Тува находилась в составе маньчжурской династии Цин, власть которой была установлена в результате борьбы маньчжуров с Джунгарией только к середине XVIII в. [Чжан Му 1895: 70–73, 107, 404–405, 448–451]. Территория Танну-Тувы была разделена на военизированные административно-территориальные единицы (*хошуны*¹, *сумоны*² и *арбаны*³). В Туве был создан институт Бугдийн-дарга — централизованное управление, объединившее несколько тувинских *хошунов* и находившееся в подчинении улясутайского *цзянцзюня* [Ховалыг 2016], и в условиях административного подчинения маньчжурской династии Цин происходило формирование социальной организации традиционного тувинского общества.

Тувинское традиционное общество, как и любое восточное, отличалось такими чертами, как иерархичность (каждый социальный слой занимал определенное положение, соответствующее своему статусу), замкнутость, низкий уровень социальной мобильности. Основу введенного маньчжурами социального устройства тувинцев составила территориальная организация.

¹ *Хошун* (монг. *хошуун*; маньчж. *ци*) — «знамена», крупная военно-административная единица, введенная в 1759 г. маньчжурской администрацией для управления тувинским народом путем реорганизации княжеских (зайсанских) уделов. Изначально «знамёнами» назывались крупные части маньчжурского войска, которые сопоставляют с европейскими дивизиями. Затем один *хошун*, состоявший из шести *сумонов*, приравнивали к полку (*цзяла-цзалан*), и только пять полков составляли одну дивизию. Тувинские *хошуны* в 1759 г. составляли одну дивизию. Один *хошун* состоял из 4–5 (иногда и больше) *сумонов*, *сумоны* — из *арбанов*. В современном тувинском языке слово *хошун* в форме *кожуун* по-прежнему используется для обозначения административно-территориального подразделения, соответствующего району.

² *Сумон* (монг. *сомон*; маньчж. *цзо-лин*) — средняя военно-административная единица, равная кавалерийскому эскадрону. Один *сумон* должен был по первому требованию Бугдийн-дарга *амбын-нойона* выставить 150 всадников в полной боевой экипировке.

³ *Арбан* (монг. *арбан*) — десяток, мелкая единица военно-административного деления. В тувинских *арбанах* дворов было более 10, иногда и более 20. Один *арбан*ставлял в солдаты 10 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет.

Если ранее тувинцы были организованы по родовой принадлежности, то с 1759 г. рядовым тувинцам было категорически запрещено покидать *хошун*, к которому они были приписаны. Таким образом, одним из существенных факторов, внесенных маньчжурами в формирование социальной организации, стало изменение основы традиционного тувинского общества.

Социальная структура Тувы на рубеже XIX–XX вв., сформированная в результате политики маньчжуров, включала несколько социальных слоев: привилегированные слои традиционного тувинского общества, середняки и бедные слои населения. Привилегированные слои состояли из княжеского сословия, крупного чиновничества, буддийского духовенства, богатых тувинцев (*кара-баев*), занимавшихся торговлей, но служивших в администрации и не имевших титулов и чинов. Социальный слой середняков состоял в основном из чиновников *хошунного* и *сумонного* управлений (среднее звено) и независимых *аратов*, имевших самостоятельное хозяйство. Бедные слои состояли из постоянно зависимых *аратов* (*эштенчи*, *чалча*, *холечик*) и обнищавших *аратов*.

Высшую ступень в социальной иерархии традиционного тувинского общества с середины XVIII до начала XX вв. занимала маньчжурская знать во главе с императором. Маньчжурский император являлся номинальным собственником всех земель Тувы, на его имя поступал ежегодно *албан*⁴, взимаемый с каждого *хошуна* и лично доставляемый *амбын-нойоном*⁵

⁴ *Албан* (тув. *албан*; монг. *алба*) — букв. ‘дани, подать, натуральная повинность’, но в официальной переписке управлений это слово употреблялось в значении ‘пушной налог’.

⁵ От слов *амбань* (маньчж. *Амбань*; монг. *сайд*) и *нойон* (монг. *нойон*). *Амбань* — титул для лиц, назначаемых пекинским правительством на высшие государственные должности. В Халхе именовались *амбаниями*: Улясутайский *цзянцзюнь* и верховные правители в городах Урге, Кобдо и Улясутае (в этих городах *амбаний* полагалось по два — один из маньчжур, а другой из монголов). *Нойон* (*ноян*, *ноин*) — монгольский титул, означающий владетельного князя. *Амбын-нойон* — титул, которым в Туве именовали высшего правителя, которому были подчинены тувинские *хошуны*. Титул тувинского *амбын-нойона* переходил по наследству.

в Улясутай¹. За маньчжурской знатью и *амбын-нойоном* следовали монгольские князья и управители. Монгольским князьям принадлежали несколько тувинских *хошунов*, управлявшихся их представителями, именуемыми *дарга*². Они выполняли административные функции, собирали подати в пользу своих князей и контролировали деятельность управителей *сумонов* из числа тувинцев. «Уложение Китайской палаты Внешних сношений» предусматривало значительные права и привилегии для монгольских князей, добровольно присягнувших на верность маньчжурскому императору и проявивших себя при завоевании Джунгарии. Князья имели право брать подати со своих аратов в строго определенных размерах [Липовцев 1828: 132]. Пекинское правительство также установило для них особое содержание, выплачивавшееся из средств Пекинской казны; ввело пожалование их чинами, наградами и знаками отличия. Монгольские князья также пользовались налоговым и судебным иммунитетом. Из их среды маньчжуры формировали местный военный и гражданский аппарат. В эпоху маньчжурского господства княжеское сословие пополнилось новой социальной группой, включавшей *табунанов*. К *табунанам* (также называвшимся *эфу*), принадлежали императорские зятья — монгольские князья, женившиеся на маньчжурских принцессах и имевшие преимущественное право на занятие государственных должностей, которые освобождались от всех налогов и воинской повинности [Майский 1921: 241].

Таким образом, монгольские князья как социальная опора маньчжуров имели наибольшие права и привилегии. Цинское правительство всемерно поощряло стрем-

ление монгольских князей вступить на государственную службу. Постепенно для монгольских (и тувинских) князей чин и звание стали столь же важны, как и знатное происхождение.

Следующую ступень в социальной иерархии занимали тувинские князья. В. И. Дулов считал, что княжеское сословие в тувинском обществе было основано на институте зайсанства, сформировавшемся еще в XVII в. [Дулов 1956: 182–184]. В число тувинской аристократии вошли не только бывшие *зайсаны*³, получившие новые титулы и должности: *бугуде-дарга*⁴ (*амбын-нойон*), *угерда*⁵, но и тувинское духовенство. Высшим должностным лицом был *камбылама*, выполнявший функции настоятеля монастыря [Монгуш 2001: 70]. Прежние владельцы родов, поступившие на службу маньчжурам, так же как и монгольские князья, удостаивались новых титулов, званий и чинов, что становилось опорой их социального положения. Отличительными знаками *амбын-нойона* являлись церемониальный шелковый халат с вышитым изображением пятипалого дракона, головной убор с *чинг-*

³ *Зайсан* (кит. *цзай-сян*) — первоначальное употребление этого титула наравне с титулами *тайби*, *тайши* восходит ко времени Юаньской династии в истории монголов (XIII–XIV вв.). Это правители аймаков; начиная со второй половины XV в. они представляли институт родовых начальников.

⁴ *Бугуде-дарга* (тув. *бугуде-дарга*) — ‘Верховный правитель’. Институт *Бугуде-дарга* был создан в 1762 г. для верховного управления объединенными тувинскими *хошунами* (административными единицами).

⁵ *Угерда* (а также *огурта*, *огурда*, *ухерида*, *ухэр-да*, у Г. Н. Потанина — *ухырда* [Потанин 1883: 664] слово, по-видимому, состоящее из двух частей — *огур* (или *ухер*) и *да* (или *та*), в тувинском произношении глухая согласная «х» озвончается и произносится как «г» — *угерда*) (кит. *цзун-гуань*) — правитель, пользовавшийся правами *дзасаков* (монг. *засаг*, букв. ‘правитель княжества, не удостоившийся княжеской степени, но пользовавшийся всей полнотой власти в подведомственной ему территории’); однако должность считалась не наследственной, а выборной, с последующим утверждением *цзянцзюнем*. В Туве же сложился местнический порядок замещения должности правителя *хошуна*.

¹ Центральное управление танну-тувинскими и алтайскими землями было учреждено в Улясутае с 1768 г., где размещалась резиденция *цзянцзюня* — наместника императора в Северной Монголии, и в Кобдо, где находился «Инородческий приказ».

² *Дарга* (тув. *дарга*) — букв. ‘староста, начальник’. В Туве в период середины XVIII–XX вв. так называли не только начальников *хошунов*, находившихся под ведомством монгольских князей, но и мелких чиновников, управлявших *арбанами* (*арбан-дарга*). Сейчас используется для обозначения человека, занимающего руководящую должность.

зе¹ на бронзовой подставке и прикрепленным двучковым павлиньим пером [Ховалыг 2016: 22–23]. Вместе с должностью и титулом тувинские князья становились обладателями всех прав и привилегий, которые были у южных соседей. Власть служила главным источником возвышения и обогащения в тувинском обществе.

К среднему слою традиционного тувинского общества относились чиновники, занимавшие такие должности в администрации *хошуна*: управитель канцелярии — *чагырыкчы*; начальник *сумона* — *чангы*, глава *арбана* — *арбан-дарга* (десятник); чиновник по особым делам — *чалан*, помощник *чангы* — *хунду*, главный сборщик налогов — *бошка*, секретарь — *бижээчи* [Ховалыг 2010: 97–109]. Все чиновники назначались лично *угерда*, кандидатуры выбирались с учетом родословной, личных качеств. Для назначения личного помощника (*дузалакчи*²) *угерда* должен был представить списки кандидатов, из числа которых *цзянцзюнь* и утверждал *тусалакчы* (*дузалакчи*. — С. Х.) [Липовцев 1828: 78–80]. Знаками различия для всех чиновников хошунных канцелярий на территории Танну-Тувы были установлены: 1) *чингзе*, прикрепляемое на головной убор; 2) безрукавка с нашивками; 3) церемониальный халат. Форма *чингзе* была овальной, а материал и цвет полностью зависел от занимаемого ранга. Например, *чангы* был обязан носить головной убор с прикрепленным прозрачно-белым *чингзе*. *Хунду*, *бошка* обязаны были прикреплять на головной убор молочно-белый *чингзе* [ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а. Л. 77]. *Арбан-дарга* — начальник *арбана* — должен был носить головной убор с медным *чингзе* [ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а. Л. 122–123]. Чиновники хошунной канцелярии получали жалование, но только за период

¹ *Чингзе* (тув. *чингзе*) — шарик овальной формы, изготовленный из драгоценных и полудрагоценных камней. Всем чинам управления полагалось носить на шапках и шляпах *чингзе* разного достоинства. Прикрепляли их к головному убору на специальной подставке, выполненной из серебра или меди. К шапке также прикрепляли павлинье перо (*одага*), в зависимости от ранга одноочковое либо двучковое.

² *Дузалакчи* (тув. *дузалакчи*; а также *тусалакчи*, *тусулагчи*, *тусалакчи*, *тусалатчи*, *тусолокчи*) — помощник, должность помощников по военным делам при старшинах аймаков, учрежденная в 1724 г. маньчжурами в Халхе.

непосредственной службы. Для них источником богатства становилось служебное положение, поскольку достигшая наивысшего развития к началу XIX в. система кормления в Танну-Тове, за счет которой существовало чиновничество оставалась прежней и в первом десятилетии XX в. Население обязано было выплачивать *ундуруг*³ для содержания хошунной и сумонной канцелярии. Однако не все чиновники системы местного управления злоупотребляли поборами с подведомственного населения. Архивные материалы содержат информацию о чиновниках, для которых чин и должность стали источником разорения, а не обогащения [ГА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 23–27].

Араты делились на относительно самостоятельных, постоянно зависимых и бедноту [Аранчин 1982: 30–31].

Первую группу аратов — относительно самостоятельных аратов-скотоводов, имевших свое хозяйство, следует отнести к среднему слою тувинского традиционного общества. Они были основными плательщиками *албана* и *ундуруга*. Араты-скотоводы были прикреплены к *хошуну* и не имели права покидать его территорию без специального разрешения *угерда*. По своему положению эта группа аратов тождественна монгольскому сословию *албату*. Они самостоятельно вели хозяйство, уплачивали *албан*, исполняли различные повинности в пользу *нойона* и канцелярии. В их составе выделялись подгруппы согласно имущественному положению. Основопологающим фактором в определении социального статуса аратов являлось наличие и количество крупного и мелкого скота. Зачастую потеря значительного количества скота являлась причиной изменения занимаемого положения кочевника [Дулов 1956: 212].

Вторая группа аратов, составлявшая третий слой тувинского общества (бедные слои), была менее значительной и носила следующие наименования: *эштенчи*, *холечик*, *чалча*. Русские путешественники и исследователи, посещавшие Туву в конце XIX — начале XX вв., довольно отчетливо определяли их положение. Ф. Я. Кон пишет: «При въезде в аал бросается в глаза одна юрта, большая и как бы прочнее остальных. Это юрта богача, по имени которого улус получил название. Возле такой юрты ютятся три–четыре, редко больше, юрт бед-

³ *Ундуруг* — подать, взимаемая местными управителями для содержания администрации.

няков, пользующихся лошадьми и рогатым скотом богача по мере нужды и являвшихся по мере потребности в них пастухами табунов “бай киж” (богача) или его “эджим” — “товарищами-слугами”» [Кон 1934: 165]. *Эштенчилер, холечик, чалча* — это наименование людей, работавших у зажиточных тувинцев независимо от того, имели они свои юрты или нет. Термин *эштенчилери* происходит от тувинского слова *эш* ‘товарищ, друг’, а, значит, это были постоянные спутники нойона, бая по кочевью. *Эштенчилери* выполняли различные работы: пасли скот, толкли просо, запасали дрова и т. д. Наконец, последняя категория (третья группа) — обнищавшие араты. В первом десятилетии XX в. их число достигало около 3 000 чел., поскольку зажиточные семьи не могли предоставить им работу [Аранчин 1982: 31].

Таким образом, кратко охарактеризовав социальную организацию традиционного тувинского общества, в первую очередь отметим, что основой социального устройства с 1759 г. постепенно становится территориальная организация. Тувинское общество, тем не менее, местами сохраняет патриархальный уклад. Каждый социальный слой имеет свой статус, свои права и обязанности. В конце XIX — первом десятилетии XX вв. исследователи подчеркивают резкую имущественную дифференциацию, явившуюся следствием, с одной стороны, этносоциальных процессов, с другой, — особенностями экстенсивного кочевого скотоводства, когда благополучие семьи всецело зависело от природных условий, усугублявшихся тяжелыми последствиями маньчжурского господства.

Одной из особенностей социальной организации тувинского традиционного общества является формирование новой социальной группы — чиновничества, занимавшего специфический социальный статус, который регламентировался Уложением Китайской палаты внешних сношений (кит. *Лифань юань цзэ ли*), а также местными обычаями и традициями. Следует отметить, по наследству передавались такие титулы и чины, как *Бугуде-дарга* (или *амбын-нойон*), *угерда, мээрэн, чалан, хунду*. Отличительной чертой тувинского чиновничества, которое сформировалось в сложных условиях подчиненного положения Цинской империи, является то, что оно было сформировано из представителей линий родовых правителей — *зайсанов*, сохранившихся до начала XX в. [Позднеев 1883: 321].

Особое положение чиновничества подкреплялось тем, что на окраине именно чиновник представлял собой значительную фигуру, поскольку он не только был лицом централизованной государственной власти, но и сам становился центром управления и власти, игравшей колоссальную роль в функционировании государственного аппарата. Необходимо подчеркнуть, что чиновник выполнял медиаторскую функцию, обеспечивая диалог между традиционным тувинским обществом и государственной властью.

Годы маньчжурского господства отрицательно сказались на социально-экономическом развитии тувинского этноса. Но в Туве на рубеже веков происходило смешение нескольких культур: традиционной кочевнической, оседлой земледельческой, элементов капиталистического уклада, тем самым было положено начало трансформации социальной организации традиционной кочевнической культуры, послужившее толчком к дальнейшим изменениям в политике и культуре.

Источники

- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 24а.
ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва. Ф. 115. Оп. 1. Д. 117. Д. 59.

Литература

- Африканов А. М.* Урянхайский край и его обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского Географического общества. СПб.: Тип. Имп. Географ. Об-ва, 1890. Т. 21. Вып. 5. С. 34–59.
Адрианов Е. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году. СПб.: Тип. Имп. Географ. Об-ва, 1886. 276 с.
Аранчин Ю. А. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1982. 339 с.
Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX в.: русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг. М.: ИВ РАН, 1997. 314 с.
Белов Е. А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 238 с.
Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Соч. монахом Иакинфом. СПб.: тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1834. 255 с.
Вайнштейн С. И. Тувинцы-тодзинцы: Историко-этнографические очерки. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1961. 218 с.

- Ватин-Быстрянский В. А.* Минусинский край в XVII веке. Этюд по Сибири. Минусинск: Тип. А. Ф. Метелкина, 1913. 218 с.
- Ватин-Быстрянский В. А.* Урянхайский вопрос в 80-х годах прошлого столетия // Сибирский студент. 1915. № 7–8. С. 85–103.
- Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит. РАН, 2002. 557 с.
- Гребнев Л. В.* Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 144 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л.: Изд-во Гос. Рус. геогр. Общ-ва, 1926. 413 с.
- Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский Край. Т. 3. Вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговля и колониальная деятельность китайцев и русских. Дополнения и поправки. Л.: Изд-во Гос. Рус. геогр. общ-ва, 1930. 858 с.
- Дацышен В. Г.* Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск: Наука и техника, 2005. 247 с.
- Дацышен В. Г., Ондар Г. А.* Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Респ. тип., 2003. 278 с.
- Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 608 с.
- Иезуитов В. М.* От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1956. 208 с.
- Кабо Р. М.* Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. Дореволюционная Тува. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 202 с.
- Кайский М.* Урянхайский вопрос // Северная Азия. 1926. Кн. 4. С. 16–25.
- Кон Ф. Я.* Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет: собрание сочинений. Т. III. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 293 с.
- Леонов Н.* Урянхайский край до начала XX столетия // Новый Восток. 1923. № 3. С. 405–419.
- Липовцев С. В.* Уложение Китайской палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. Т. I. СПб.: Тип. Деп. народ. просвещения, 1828. 362 с.
- Майский И. М.* Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, 1921. 332 с.
- Монгуш М. В.* История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Москаленко Н. П.* Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. 222 с.
- Нацов С.* Национально-освободительное движение тувинских скотоводов // Новый Восток. 1927. № 19. С. 42–50.
- Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. Т. 1–2. СПб.: РГО, 1896–1898. 697 с.
- Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрденийн Эрихэ». [Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г.]. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1883. 451 с.
- Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 372 с.
- Потапов Л. П.* Очерки народного быта. М.: Наука, 1969. 401 с.
- Сейфулин Х. М.* К истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в Туве (1918–1921 гг.). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1968. 120 с.
- Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Ховалыг С. С.* Центр или периферия? Система государственного управления в Туве в конце XIX — начале XX вв. // Вестник РУДН. 2010. Сер. «История России». № 3. С. 97–109.
- Ховалыг С. С.* Чиновничество Тувы в конце XVIII–XX вв.: проблемы формирования и функционирования аппарата // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 1 (23). С. 19–28.
- Чжан Му.* Мэн-гу-ю-му-цзи = Записки о Монгольских кочевьях / [Чжан Му и Хэ-цю-тао]; пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: скоропеч. П. О. Яблонского, 1895. 598 с.
- Шостакович С.* Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. Иркутск: изд-во Иркутск. ун-та, 1929. 48 с.
- Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.

Sources

GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. R. 1701. Op. 1. D. 24a (In Russ.).

GA RT — *Gosudarstvennyy arhiv Respubliki Tyva* [The State Archive of the Republic of Tuva]. F. 115. Op. 1. D. 117 (In Russ.).

References

- Afrikanov A. M. *Uryankhayskiy kray i ego obitateli* [The Uriankhai region and its inhabitants]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imp. Russkogo Geograficheskogo obshchestva* (Proceedings of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society), 1890, No. 21(5), pp. 34–59 (In Russ.).
- Adrianov E. V. *Puteshestvie na Altay i za Sayany, sovershennoe v 1881 godu* [An 1881 journey to the Altai and Sayan mountains]. St. Petersburg, Imperial Russian Geographical Society Press, 1886, 276 p. (In Russ.).
- Aranchin Iu. A. *Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu* [The historical path of the Tuvan people to Socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 339 p. (In Russ.).
- Belov E. A. *Rossiia i Mongoliya (1911–1919 gg.)* [Russia and Mongolia (1911–1919)], Moscow, Publ. Office of Institute of Oriental Studies (RAS), 1999, 238 p. (In Russ.).
- Belov E. A. *Rossiia i Kitay v nachale XX v.: rusko-kitayskie protivorechiya v 1911–1915 gg.* [Russia and China in the early 20th century: Russo-Chinese controversies in 1911–1915], Moscow, Publ. Office of Institute of Oriental Studies (RAS), 1997, 314 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ia. *Istoricheskoe obozrenie oyratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [A historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present time]. St. Petersburg, Print. Office of Medical Department of the Ministry of Internal Affairs, 1834, 255 p. (In Russ.).
- Chzhan Mu, Khe-tsiu-tao. *Men-gu-yu-mu-tszu = Zapiski o Mongol'skikh kochev'yakh*. [Notes on the Mongolian nomadic territories]. St. Petersburg, P. O. Yablonsky Publ., 1895, 598 p. (In Russ.).
- Datsyshen V. G. *Sayanskiy rubezh. Yuzhnaya chast' Prieniseyskogo kraya i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1616–1911 gg* [The Sayan border-line. A southern part of the Yenisei region and Russo-Tuvan relations in 1616–1911]. Tomsk, Nauka i Tekhnika Publ., 2005, 247 p. (In Russ.).
- Datsyshen V. G., Ondar G. A. *Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryankhayskiy kray i rusko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.* [The Sayan cross-point: Usinsk-Uriankhai region and Russo-Tuvan relations in 1911–1921], Kyzyl, Republican Print. House, 2003, 278 p. (In Russ.).
- Dulov V. I. *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy (XIX — nachalo XX vv.)* [Socio-economic history of Tuva (19th – early 20th centuries)], Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sc., 1956, 608 p. (In Russ.).
- Grebnev L. V. *Tuvinskiy geroicheskiy epos: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [The Tuvan heroic epic: an effort of historical-ethnographic analysis]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1960, 144 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy Kray. T. 3. Vyp. 1. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and the Uriankhai region. Vol. 3, iss. 1. An anthropological and ethnographic sketch of the territories]. Leningrad, State Russian Geographical Society Press, 1926, 413 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy Kray. T. 3. Vyp. 1. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran. Torgovlya i kolonial'naya deyatel'nost' kitaytsev i russkikh. Dopolneniya i popravki* [Western Mongolia and the Uriankhai region. Vol. 3, iss. 1. An anthropological and ethnographic sketch of the territories. Trade and colonial activities of the Chinese and Russians. Supplements and amendments]. Leningrad, State Russian Geographical Society Press, 1930, 858 p. (In Russ.).
- Iezuitov V. M. *Ot Tuvy feodal'noy k Tuve sotsialisticheskoy* [Tuva: from feudalism to socialism]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1956, 208 p. (In Russ.).
- Kabo R. M. *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy. Dorevoliutsionnaya Tuva*. [Sketches in the history and economy of Tuva. Pre-revolutionary Tuva]. Moscow, Leningrad, State Socio-Economic Liter. Publ., 1934, 202 p. (In Russ.).
- Kaisky M. *Uryankhayskiy vopros* [The Uriankhai question]. *Severnaia Aziia* (North Asia), 1926, No. 4, pp. 16–25 (In Russ.).
- Khovalyg S. S. *Tsentr ili periferiya? Sistema gosudarstvennogo upravleniya v Tuve v kontse XIX — nachale XX vv.* [Center or periphery? The system of public administration in Tuva in the end of the 19th and early 20th centuries]. *Vestnik RUDN. Seriya: istoriia Rossii* (RUDN Journal of Russian History), 2010, No. 3, pp. 97–109 (In Russ.).
- Khovalyg S. S. *Chinovnichestvo Tuvy v kontse XVIII–XX vv.: problemy formirovaniya i funktsionirovaniya apparata* [The officialdom

- of Tuva at the end of the 18th – 20th centuries: problems of formation and functioning of the apparatus]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2016, No. 1 (23), pp. 19–28 (In Russ.).
- Kon F. Ya. *Ekspeditsiya v Soyotiyu. Za pyat' desyat let: sobranie sochineniy. T. III* [An expedition to Soyotia. Over the fifty years. Collected works. Vol. III]. Moscow, All-Union Society of Political Convicts and Deportees Press, 1934, 293 p. (In Russ.).
- Leonov N. *Uryankhayskiy kray do nachala XX stoletiya* [The Uriankhai region before the 20th century]. *Novyi Vostok* (The New East), 1923, No. 3, pp. 405–419 (In Russ.).
- Lipovtsev S. V. *Ulozhenie Kitayskoy palaty vneshnikh snosheniy / per. s man'chzhur. T. I*. [Code of China's Chamber for External Relations. Transl. from Manchu. Vol. I]. St. Petersburg, Print. Office of Department of People's Education, 1828, 317 p. (In Russ.).
- Maysky I. M. *Sovremennaya Mongoliya* [Modern Mongolia]. Irkutsk, State Publ. House, 1921, 332 p. (In Russ.).
- Mongush V. M. *Istoriya buddizma v Tuve* [History of Buddhism in Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 200 p. (In Russ.).
- Moskalenko N. P. *Osnovnye problemy etnopoliticheskoi istorii Tuvy v XX veke* [Main problems of Tuva's ethno-political history in the 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 222 p. (In Russ.).
- Natsov S. *Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie tuvinskiykh skotovodov* [The national liberation movement of Tuvan stock-breeders]. *Novyi Vostok* (The New East), 1927, No. 19, pp. 42–50 (In Russ.).
- Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays on northwestern Mongolia]. St. Petersburg, V. Krishbaum Publ., 1883, 372 p. (In Russ.).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Sketches of the everyday life of Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Mongoliya i mongoly. Rezul'taty poezdki v Mongoliyu, ispolnennoy v 1892–1893 gg. A. Pozdneevym. T. 1–2* [Mongolia and Mongols. Results of A. Pozdneev's 1892–1893 journey to Mongolia]. St. Petersburg, Russian Geographical Society Press, 1896, 697 p. (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Mongol'skaya letopis' «Erdeniyin Erikhe»* (Podlinnyy tekst s perevodom i poyasneniyami, zaklyuchayushchimi v sebe materialy dlya istorii Khalkhi s 1636 po 1736 g.) [The Mongolian chronicle 'Erdeniyin Erihe' (Original text with a translation and comments containing materials on the history of Khalkha from 1636 to 1736)]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1883, 451 p. (In Russ.).
- Seifulin Kh. M. *K istorii inostrannoy voennoy interventsii i grazhdanskoy voyny v Tuve (1918–1921 gg.)* [Revisiting the history of the foreign military intervention and civil war in Tuva (1918–1921)]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1968, 120 p. (In Russ.).
- Serdobov N. A. *Istoriya formirovaniya tuvinskoy natsii* [Ethnic history of the Tuvans]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 1971, 482 p. (In Russ.).
- Shostakovich S. *Politicheskiy stroy i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tannu-Tuvy v proshlom i nastoyashchem* [Political system and international legal status of Tannu-Tuva: past and present]. Irkutsk, Irkutsk University Press, 1929, 48 p. (In Russ.).
- Vainshtein S. I. *Tuvintsy-todzhintsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu Tuvans: historical-ethnographic sketches]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1961, 218 p. (In Russ.).
- Vatin-Bystriansky V. A. *Minusinskiy kray v XVII veke. Etyud po Sibiri* [The Minusinsk region in the 17th century. A study of Siberia]. Minusinsk, A. F. Metelkin Publ., 1913, 218 p. (In Russ.).
- Vatin-Bystriansky V. A. *Uriankhaiskii vopros v 80-kh godakh proshlogo stoletiya* [The Uriankhai question in the 1880s]. *Sibirskiy student* (The Siberian Student), 1915, No. 7–8, pp. 85–103 (In Russ.).
- Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2002, 557 p. (In Russ.).
- Yakovlev E. K. *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya* [An ethnographic review of the non-Russian population in the Southern Yenisei]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, 357 p. (In Russ.).

**СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ТУВИНСКОГО
ОБЩЕСТВА СЕРЕДИНЫ XVIII — НАЧАЛА XX ВВ.:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ**Салимаа Сергеевна Ховалыг¹¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра документоведения и архивоведения, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: salimaa@mail.ru.

Аннотация. Статья нацелена на изучение особенностей формирования и эволюции социальной организации традиционного тувинского общества в эпоху господства маньчжурской династии Цин (1757–1912 гг.). Опираясь на архивные источники, автор исследовал исторические условия формирования разных сословий и выявил особенности социальной организации традиционного тувинского общества. После установления господства маньчжурской династии Цин на территории расселения тувинцев была проведена административно-территориальная реформа и введены новые военные чины, титулы знатности, знаки различия, которые постепенно начали вытеснять прежние титулы и звания; на территории Танну-Тувы также стали строить буддийские монастыри. Эти нововведения сильно повлияли на существовавшую социальную организацию традиционного тувинского общества.

Ключевой особенностью формирования социальной организации в середине XVIII в. стало пополнение структуры традиционного тувинского общества новыми социальными слоями: княжеское сословие (монгольские и тувинские князья), буддийское духовенство, чиновничество. Автор описывает историю формирования и трансформации социальной организации традиционного тувинского общества, дает характеристику каждого социального слоя, его правового статуса. Новизна работы состоит в том, что впервые проанализирована социальная организация тувинского традиционного общества, выявлен состав и иерархия чинов и степеней различия в Туве середины XVIII–XX вв.

Ключевые слова: Тува, историография, социальная структура, сословия, государственный аппарат, чиновник, государственное управление, *амбын-нойон*, *хошун*, *угерда*, *табунан* (*эфу*), *бугуде-дарга*.